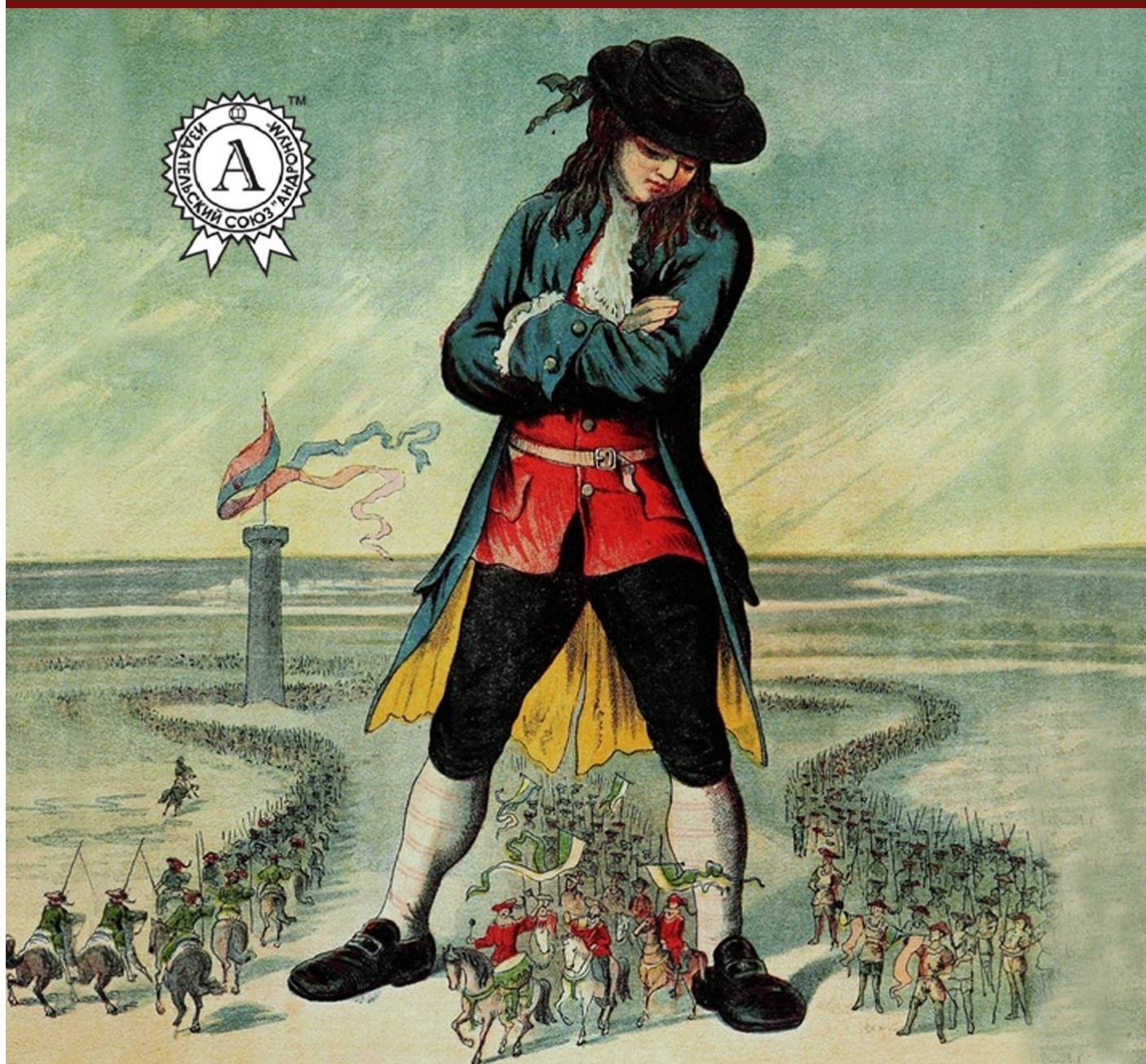

ДЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Свифт Д.

Путешествия Гулливера / Д. Свифт — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Джонатан Свифт (1667–1745) — блестящий ирландский писатель, философ и поэт английского происхождения, обессмертивший свое имя благодаря эпосе, посвященной странствиям Лемюэля Гулливера, «сначала хирурга, а позже — капитана нескольких кораблей». Книга «Путешествия Гулливера» — это замечательная сатира, облеченная в приключенческую форму с чертами фантастики, содержащая примеры дерзкого искрометного осмеяния человеческих пороков и ненавязчивые уроки нравственности. Настоящее издание содержит полное собрание историй о Гулливере: «Путешествие в Лилипутию», «Путешествие в Бробдингнег», «Путешествие в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнетт, Глаббдобдриб и Японию», а также «Путешествие в страну Гуигнгнмов».

© Свифт Д.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Издатель к читателю	5
Письмо капитана Гулливера к своему родственнику Ричарду Симпсону	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

Издатель к читателю

Автор этих путешествий мистер Лемюэль Гулливер – мой старинный и близкий друг; он приходится мне также сродни по материнской линии. Около трех лет тому назад мистер Гулливер, которому надоело стечение любопытных к нему в Редриф, купил небольшой клочок земли с удобным домом близ Ньюарка в Ноттингемшире, на своей родине, где и проживает сейчас в уединении, но уважаемый своими соседями.

Хотя мистер Гулливер родился в Ноттингемшире, где жил его отец, однако я слышал от него, что предки его были выходцами из Оксфордского графства. Чтобы удостовериться в этом, я осмотрел кладбище в Банбери в этом графстве и нашел в нем несколько могил и памятников Гулливеров.

Перед отъездом из Редрифа мистер Гулливер дал мне на сохранение нижеследующую рукопись, предоставив распорядиться ею по своему усмотрению. Я три раза внимательно прочел ее. Слог оказался очень гладким и простым, я нашел в нем только один недостаток: автор, следуя обычной манере путешественников, слишком уж обстоятелен. Все произведение, несомненно, дышит правдой, да и как могло быть иначе, если сам автор известен был такой правдивостью, что среди его соседей в Редрифе сложилась даже поговорка, когда случалось утверждать что-нибудь: это так же верно, как если бы это сказал мистер Гулливер.

По совету нескольких уважаемых лиц, которым я, с согласия автора, давал на просмотр эту рукопись, я решаюсь опубликовать ее, в надежде, что, по крайней мере, в продолжение некоторого времени, она будет служить для наших молодых дворян более занимательным развлечением, чем обычное бумагомарание политиков и партийных писак.

Эта книга вышла бы, по крайней мере, в два раза объемистее, если б я не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц, посвященных ветрам, приливам и отливам, склонениям магнитной стрелки и показаниям компаса в различных путешествиях, а также подробнейшему описанию на морском жаргоне маневров корабля во время бури. Точно так же я обошелся с долготами и широтами. Боюсь, что мистер Гулливер останется этим несколько недоволен, но я поставил своей целью сделать его сочинение как можно более доступным для широкого читателя. Если же благодаря моему невежеству в морском деле я сделал какие-либо промахи, то ответственность за них падает всецело на меня; впрочем, если найдется путешественник, который пожелал бы ознакомиться с сочинением во всем его объеме, как оно вышло из-под пера автора, то я охотно удовлетворю его любопытство.

Дальнейшие подробности, касающиеся автора, читатель найдет на первых страницах этой книги.

Ричард Симпсон

Письмо капитана Гулливера к своему родственнику Ричарду Симпсону

Вы не откажетесь, надеюсь, признать публично, когда бы вам это ни предложили, что своими настойчивыми и частыми просьбами вы убедили меня опубликовать очень небрежный и неточный рассказ о моих путешествиях, посоветовав нанять нескольких молодых людей из которого-нибудь университета для приведения моей рукописи в порядок и исправления слога, как поступил, по моему совету, мой родственник Демпиер со своей книгой «Путешествие вокруг света»¹. Но я не помню, чтобы предоставил вам право соглашаться на какие-либо пропуски и тем менее на какие-либо вставки. Поэтому, что касается последних, то настоящим заявлением я отказываюсь от них совершенно, особенно от вставки, касающейся блаженной и славной памяти ее величества покойной королевы Анны, хотя я уважал и ценил ее больше, чем всякого другого представителя человеческой породы². Ведь вы, или тот, кто это сделал, должны были принять во внимание, что мне несвойственно, да и было неприлично, хвалить какое-либо животное нашей породы перед моим хозяином гуингнмом. Кроме того, самый факт совершенно неверен, насколько мне известно (в царствование ее величества я жил некоторое время в Англии), она управляла при посредстве первого министра, даже двух последовательно: сначала первым министром был лорд Годольфин, а затем лорд Оксфорд³. Таким образом, вы заставили меня говорить то, чего не было. Точно так же в рассказе об Академии Прожектеров и в некоторых частях моей речи к моему хозяину гуингнму вы либо опустили некоторые существенные обстоятельства, либо смягчили и изменили их таким образом, что я с трудом узнаю собственное произведение. Когда же я намекнул вам об этом в одном из своих прежних писем, то вам угодно было ответить, что вы боялись нанести оскорбление, что власть имущие весьма зорко следят за прессой и готовы не только истолковать по-своему все, что кажется им намеком (так, помнится, выразились вы), но даже подвергнуть за это наказанию⁴. Но позвольте, каким образом то, что я говорил столько лет тому назад на расстоянии пяти тысяч миль отсюда, в другом государстве, можно отнести к кому-либо из еху, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом, особенно в то время, когда я совсем не думал и не опасался, что мне выпадет несчастье жить под их властью⁵. Разве не достаточно у меня оснований сокрушаться при виде того, как эти самые еху разъезжают на гуингнмах, как если бы они были разумными существами, а гуингнмы – бессмысленными тварями. И в самом деле, главную причину моего удаления сюда было желание из бежать столь чудовищного и омерзительного зрелища.

¹ Демпиер (1652–1715) – английский мореплаватель, в годы между 1685–1691 побывавший в Гвинее, американских колониях Испании на побережье Тихого океана, в Китае, Австралии, Индии и описавший свои странствия и приключения в книге «Новое путешествие вокруг света» (1697). Свифт в «Путешествиях Гулливера» иногда пародирует его стиль.

² «...покойной королевы Анны...» – В первом издании, желая смягчить сатирическое описание придворных нравов (см. ч. IV, гл. VI), издатель вставил в текст хвалебные слова о покойной королеве Анне (1665–1714), которую Свифт, как он пишет в предисловии, отнюдь не так уважал, почему он и снял эту вставку Мотта.

³ Лорд Годольфин (1645–1712) – видный деятель партии тори, премьер-министр в первые восемь лет царствования королевы Анны. В 1710 г. неожиданно смещен; на его должность был назначен Роберт Харли, граф Оксфордский, тоже принадлежавший к партии тори. Свифт был лично знаком с обоими.

⁴ «...власть имущие весьма зорко следят за прессой...» – Законы о цензуре существовали в Англии с XVI в. Во времена Свифта государственный секретарь имел право предъявить авторам обвинение в клевете или же конфисковать произведение, объявленное клеветническим. Это положение существовало до 1765 г.

⁵ «...еху, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом...» – Еху – люди, опустившиеся до скотского состояния, описанные в IV части «Путешествий Гулливера». Здесь, по-видимому, дерзкий намек на Ганноверскую династию, воцарившуюся в Англии с 1714 г.

Вот что почел я своим долгом сказать вам о вашем по ступке и о доверии, оказанном мною вам.

Затем мне приходится пожалеть о собственной большой оплошности, выразившейся в том, что я поддался просьбам и неосновательным доводам как вашим, так и других лиц, и, вопреки собственному убеждению, согласился на издание моих Путешествий. Благоволите вспомнить, сколько раз просил я вас, когда вы настаивали на издании Путешествий в интересах общественного блага, принять во внимание, что еху представляют породу животных, совершенно неспособных к исправлению путем наставлений или примеров. Ведь так и вышло. Уже шесть месяцев, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел основание ожидать, – но и не слышал, чтобы она произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям. Я просил вас известить меня письмом, когда прекратятся партийные распри и интриги, судьи станут просвещенными и справедливыми, стряпчие – честными, умеренными и приобретут хоть капелюк здравого смысла, Смитсфильд⁶ озарится пламенем пирамид собрания законов, в корне изменится система воспитания знатной молодежи, будут изгнаны врачи, самки еху украсятся добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом, будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные, вознаграждены ум, заслуги и знание, все, позорящие печатное слово в прозе или в стихах, осуждены на то, чтобы питаться только бумагой и утолять жажду чернилами. На эти и на тысячу других преобразований я твердо рассчитывал, слушая ваши уговоры, ведь они прямо вытекали из наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев – достаточный срок, чтобы избавиться от всех пороков и безрассудств, которым подвержены еху, если бы только они имели малейшее расположение к добродетели и мудрости. Однако на эти ожидания не было никакого ответа в ваших письмах; напротив, каждую неделю вы обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями⁷; из них я вижу, что меня обвиняют в поношении сановников, в унижении человеческой природы (ибо у авторов хватает еще дерзости величать ее так) и в оскорблении женского пола. При этом я нахожу, что сочинители этого хлама даже не столковались между собой: одни из них не желают признавать меня автором моих «Путешествий», другие же приписывают мне книги, к которым я совершенно непричастен.

Далее, я обращаю внимание на крайнюю небрежность вашего типографа, допустившего большую путаницу в хронологии и ошибки в датах моих путешествий и возвращений и нигде не проставившего правильно ни год, ни месяц, ни число. Между тем я слышал, что оригинал совершенно уничтожен по отпечатании книги, а копии у меня не осталось. Тем не менее я посылаю вам несколько исправлений, которыми вы можете воспользоваться, если когда-либо понадобится второе издание книги. Впрочем, я не буду настаивать на них и отдаю вопрос на суд рассудительных и беспристрастных читателей; пусть они поступают, как им угодно.

Слышал я, что некоторые из наших еху-моряков находят ошибки в моем морском языке⁸, считая его во многих случаях неправильным и в настоящее время устаревшим. Ничего не могу поделать. Во время моих первых путешествий, когда я был молод, я прошел выучку у старшего поколения моряков и усвоил их язык. Но впоследствии я убедился, что морские еху так же склонны выдумывать новые слова, как и сухопутные еху, которые чуть ли не ежегодно

⁶ Смитсфильд – площадь в Лондоне, на которой сжигали на кострах еретиков и ведьм.

⁷ «...обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями...» – Один из подобных комментариев действительно был издан три недели спустя после выхода в свет «Гулливера»; в 1727 г. от имени Гулливера был издан третий том его «Путешествий», представляющий собой пересказ «Истории севорамбов» Д. Вераса и «Путешествие в Кэклогаллинию». Это и есть те книги, к которым, по словам Гулливера, он не имел никакого касательства.

⁸ «...находят ошибки в моем морском языке...» – Свифт заимствовал морскую терминологию из книги Стерми «Настоящий моряк» (1669).

настолько меняют свой язык, что при каждом возвращении на родину я, помнится, находил большие перемены в прежнем диалекте и едва мог понимать его. Равным образом, когда какой-нибудь еху любопытства ради приезжает ко мне из Лондона, я замечаю, что мы не способны излагать друг другу наши мысли в выражениях, понятных для нас обоих.

Если бы суждения еху способны были сколько-нибудь задевать меня, то я имел бы достаточно оснований жаловаться на дерзость некоторых моих критиков, полагающих, что книга моя представляет только плод моей фантазии и даже позволяющих себе высказывать предположение, будто гуигнгны и еху обладают не больше реальностью, чем обитатели Утопии⁹.

Правда, что касается лилипутов, бробдинггрейцев¹⁰ (ибо следует произносить Бробдингрег, а не Бробдинггег, как ошибочно напечатано) и лапутян, то я должен признаться, что мне еще не приходилось встречать ни одного еху, как бы он ни был самоуверен, который решился бы отрицать их существование или оспаривать факты, рассказанные мной относительно этих народов, ибо истина тут настолько очевидна, что сразу же убеждает всякого читателя. Неужели же мой рассказ о гуигнгнах и еху менее правдоподобен? Ведь что касается еху, то очевидно, что даже в нашем отечестве их существуют тысячи и они отличаются от своих диких братьев из Гуигнгнии только тем, что обладают способностью к бессвязному лепету и не ходят голыми. Я писал с целью их исправления, а не с тем, чтобы получить их одобрение. Единодушные похвалы всей их породы значили бы для меня меньше, чем ржание тех двух выродившихся гуигнгнмов, которых я держу у себя на конюшне; как они ни выродились, я не нахожу в них никаких пороков и могу еще кое-что позаимствовать у них по части добродетели.

Уж не дерзают ли эти жалкие животные думать, будто я настолько пал, что выступлю на защиту своей правдивости? Хотя я и еху, но во всей Гуигнгнии отлично известно, что благодаря наставлениям и примеру моего досточтимого хозяина я в течение двух лет оказался способным (хоть это и стоило мне огромного труда) отделаться от адской привычки лгать, лукавить, обманывать и кривить душой – привычки, которая так глубоко коренится в самом естестве всей нашей породы, особенно у европейцев.

Я мог бы высказать еще и другие жалобы по поводу этого досадного обстоятельства, но не хочу больше докучать ни себе, ни вам. Должен откровенно признаться, что по моем возвращении из последнего путешествия некоторые пороки, свойственные моей натуре еху, ожили во мне благодаря совершенно неизбежному для меня общению с немногими представителями вашей породы, особенно с членами моей семьи. Иначе я бы никогда не предпринял нелепой затеи реформировать породу еху в нашем королевстве. Но теперь я навсегда покончил с этими химерическими планами.

2 апреля 1727 года

⁹ Утопия – вымышленное государство, описанное английским гуманистом Томасом Мором в одноименной книге (1516).

¹⁰ Лилипуты, бробдинггеицы – обитатели фантастических стран, описанных в I и II частях «Путешествий Гулливера». Английский литературовед Генри Морли высказал убедительное предположение, что Свифт образовал вымышленное название «лилипут» (lilliput) от двух корней: 1) Lille (little) по-английски – маленький; 2) put – презрительная кличка, происходящая от латинского слова putidus (испорченный), итальянского – putta, старофранцузских – put и pute; на этих языках таким словом называли мальчиков и девочек, предающихся порокам взрослых. Точно так же маленькие лилипуты в общественной и частной жизни предаются тем же порокам, которые характерны для английского аристократического и буржуазного общества начала XVIII в. Слово «бробдинггег» (brobdingneg), по-видимому, представляет собой анаграмму; оно содержит буквы, входящие в слова grand, bid, noble (большой, крупный, благородный), у слова noble отброшен только последний слог – le.

Часть первая Путешествие в Лилипутию

Глава 1

Автор сообщает кое-какие сведения о себе и о своем семействе. Первые побуждения к путешествиям. Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят внутрь страны.

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эмануила в Кембридже¹¹, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям; однако издержки на мое содержание (хотя я получал очень скудное довольствие) были непосильны для скромного состояния отца, и поэтому меня отдали в учение к мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я провел четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики, полезных людям, собирающимся путешествовать, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Покинув мистера Бетса, я возвратился к отцу и дома раздобыл у него, у дяди Джона и у других родственников сорок фунтов стерлингов и заручился обещанием, что мне будут ежегодно посылать в Лейден тридцать фунтов. В этом городе в течение двух лет и семи месяцев я изучал медицину, зная, что она мне пригодится в дальних путешествиях.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего почтенного учителя мистера Бетса, поступил хирургом на судно Ласточка, ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. У него я прослужил три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант и другие страны¹². По возвращении в Англию я решил поселиться в Лондоне, к чему поощрял меня мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джюри и по совету друзей женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись: ибо совесть не позволяла мне подражать нехорошим приемам многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова стать моряком. В течение шести лет я был хирургом на двух кораблях и совершил несколько путешествий в Ост— и Вест-Индию, что несколько улучшило мое материальное положение. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, древних и новых, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий вышло не очень удачным, и я, утомленный морской жизнью, решил сидеть дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри на Феттер-Лейн, а оттуда в Уоппин, надеясь иметь практику между моряками, но эта надежда не оправдалась. Прождав три года улучшения моего положения, я принял выгодное предложение капитана

¹¹ «...четырнадцать лет... в колледж Эмануила в Кембридже...» – В те времена это был обычный возраст поступления в университеты. Лейден – голландский город, в XVII–XVIII вв. славился своим университетом (особенно медицинским факультетом), привлекавшим к себе студентов-иностранцев, включая и англичан.

¹² *Левант* – острова и побережье восточного Средиземноморья в Малой Азии, центр торговли между Западом и Востоком.

Вильяма Причарда, владельца судна Антилопа, отправиться с ним в Южное море. 4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле, и наше путешествие было сначала очень удачно.

По некоторым причинам было бы неуместно утруждать читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; довольно будет сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли¹³. Согласно наблюдениям, мы находились на 30° южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были крайне обессилены. 5 ноября (начало лета в этих местах) стоял густой туман, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; но ветер был такой сильный, что нас понесло прямо на нее, и корабль мгновенно разбился. Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить лодку и отойти от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех лиг, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю волн, и через полчаса лодка была опрокинута внезапно налетевшим с севера порывом ветра. Что случилось с моими товарищами по лодке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ноги, но не мог нащупать дно; когда я совсем уже выбился из сил и неспособен был больше бороться с волнами, я почувствовал под ногами землю, а буря тем временем значительно утихла. Дно в этом месте было так покато, что мне пришлось пройти около мили, прежде чем я добрался до берега; по моим предположениям, это случилось около восьми часов вечера. Я прошел еще с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения; или, по крайней мере, я был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой еще на корабле полупинты коньяку меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог шевельнуться; я лежал на спине и обнаружил, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы¹⁴. Равным образом я почувствовал, что мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевек. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня по левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человеческое существо, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается, по крайней мере, еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе побежали назад; причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчет-

¹³ *Вандименова Земля* – часть Австралии, исследованная в 1642 г. голландским мореплавателем Абеlem Тасманом и названная им так в честь губернатора Ост-Индии Энтони Ван-Димена.

¹⁴ «Я попробовал встать...» – Этот эпизод, вероятно, навеян рассказом древнегреческого писателя Филострата («Eikoves», то есть «Картины») о том, как Гераклеса связали напавшие на него пигмеи: Пигмеи жаждали отомстить за смерть Антея. Найдя спящего Гераклеса, они собрали против него все свои силы. Одна фаланга напала на его левую руку; против правой, более сильной, они направили две фаланги. Лучники и прашники, изумленные огромными размерами его бедер, осадили ноги Гераклеса. Вокруг же его головы, словно вокруг арсенала, они водрузили батареи, и сам царь занял около них свое место. Они подожгли его волосы, стали бросать серпы в его глаза, а чтобы он не мог дышать, заткнули ему рот и ноздри. Но вся эта возня могла только разбудить его. И когда он проснулся, то, презрительно смеясь над их глупостью, сгреб их всех в львиную шкуру и понес к Эврисфею.

ливым голосом прокричал: «Гекина дегуль»; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не знал тогда, что они значат.

Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким спосо-

бом они связали меня. В то же время, рванувшись изо всей силы и причинив себе нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыица вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко повторил: «Толго фонак». В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град прошел, я застонал от обиды и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первого, причем некоторые из этих существ пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была кожаная куртка, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное – пролежать спокойно до наступления ночи, когда мне нетрудно будет освободиться при помощи уже отвязанной левой руки; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь с какими угодно армиями, которые они могут выставить против меня, если только они будут состоять из существ такого же роста, как то, которое я видел. Однако судьба распорядилась мной иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов от меня напротив моего правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо туземцев, и две или три лестницы, чтобы всходить на него¹⁵. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: «Лангро де гюль сан» (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и объяснили). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезами веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и, таким образом, наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человеком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из последних, чуть побольше моего среднего пальца, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве его свиты. Он по всем правилам разыграл роль оратора: некоторые периоды его речи выражали угрозу, другие – обещание, жалость и благосклонность. Я отвечал в немногих словах, но с видом покорности, воздев к солнцу глаза и левую руку и как бы призывая светило в свидетели; и так как я почти умирал от голода, – в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, – то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и (быть может, нарушая правила благопристойности) несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называют важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал поставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филей, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три куса вместе с тремя караваем хлеба вели-

¹⁵ «...деревянный помост...» – Здесь, возможно, саркастический намек на распространившийся после революции 1688 г. среди вигской аристократии обычай – выступать во время выборов кампаний на площадях с публичными речами.

чиной не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту.

Потом я стал делать другие знаки, показывая, что хочу пить. По количеству съеденного они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и, будучи народом весьма изобретательным, необычайно ловко втащили на меня, а затем подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером, и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки кричали от радости и танцевали у меня на груди, много раз повторяя свое первое восклицание: «Гекина дегуль». Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: «Бора мивола»; а когда бочки взлетели в воздух, раздался единодушный возглас: «Гекина дегуль». Признаюсь, меня не раз искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и швырнуть их оземь. Но сознание, что они могли причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, — ибо так толковал я свое покорное поведение, — скоро прогнали эти мысли. С другой стороны, я считал себя связанным законом гостеприимства с этим народцем, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отважившихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших трепета при виде такой громадины, какой я должен был им представляться. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на нижнюю часть моей правой ноги, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты с королевской печатью, приблизив их к моим глазам, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была произнесена без малейших признаков гнева, но твердо и решительно, причем он часто указывал пальцем вперед, как выяснилось потом, по направлению к столице, находившейся от нас на расстоянии полумили, куда, по постановлению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили.

Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестах пояснил, что я должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрытых волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я знаками дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Довольные моим согласием, Гурго и его свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я услышал общее ликование, среди которого часто повторялись слова: «пеплом селян», и почувствовал, что с левой стороны большая толпа ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону и всласть помочиться; потребность эта была отправлена мной в изобилии, повергшем в великое изумление маленькие создания, которые, догадываясь по моим движениям, что я собираюсь делать, немедленно расступились в обе стороны, чтобы не попасть в поток, извергшийся из меня с большим шумом и силой. Еще раньше они помазали мое лицо и руки каким-то составом приятного запаха, который в несколько минут успо-

коил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно действовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

По-видимому, как только туземцы нашли меня спящего на земле после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве еду и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу. Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убежден, что в схожем случае ни один европейский монарх не поступил бы так. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня своими копьями и стрелами во время моего сна. Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу проснулся бы и в припадке ярости оборвал веревки, которыми был связан, после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди – превосходные математики и достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колесах для перевозки бревен и других больших тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растет строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую крупную телегу, какую только им приходилось делать. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма от земли, около семи футов в длину и четырех в ширину, на двадцати двух колесах. Услышанные мною восклицания были приветствием народа по случаю прибытия этой телеги, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа после того, как я вышел на берег. Ее поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную телегу. С этой целью были вбиты восемьдесят свай, вышиною в один фут каждая, и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в нашу бечевку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за канаты при помощи множества блоков, прикрепленных к сваям, и таким образом меньше чем за три часа меня подняли, положили в телегу и крепко привязали к ней. Все это рассказали мне потом, так как во время этой операции я спал глубоким сном, в который был погружен снотворной микстурой, примешанной к вину. Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиной около четырех с половиной дюймов каждая, понадобилось, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от того места, где я лежал.

Мы были в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Телега остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека полюбопытствовали посмотреть, каков я, когда сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю острие своей пики; оно защекотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было поставлено на страже по пятисот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с луками наготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники реши-

тельно воспротивились намерению его величества подняться на мое тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась телега, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всем королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой набожностью, стало смотреть на него как на место, недостойное святыни; вследствие этого он был обращен в общественное здание, из него были вынесены все убрания и утварь. Это здание и было назначено для моего жительства. Большая дверь, обращенная на север, имела около четырех футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползать через нее. По обеим сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девяносто одну цепочку, вроде тех, что носят с часами наши европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками¹⁶. Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня, не менее пяти футов вышины. На эту башню взойшел император с множеством придворных, чтобы лучше видеть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведенным подсчетам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город, и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещающий это под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком сумрачном расположении, как никогда в жизни. Шум и изумление толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперед, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырех дюймов от двери, позволяли также вползать в храм и ложиться в нем, вытянувшись во весь рост.

¹⁶ «...тридцатью шестью висячими замками.» – Те же самые числа Свифт назвал в «Сказке бочки», вышедшей за два с лишним десятилетия до «Гулливера»: Я написал 91 памфлет при трех царствованиях к услугам 36 фракций.

Глава 2

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лилипутов. Своим кротким поведением он добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательный пейзаж. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом, вышиной вполстанга, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

Уже несколько часов меня крайне беспокоила одна естественная потребность, что и неудивительно, так как в последний раз я облегчался почти два дня тому назад. Чувство стыда сменялось жесточайшими позывами. Самое лучшее, что я мог придумать, было вползти в мой дом; так я и сделал; закрыв за собою двери, я забрался в глубину, насколько позволяли цепочки, и освободил свое тело от беспокоившей его тяжести. Но это был единственный случай, который может послужить поводом для обвинения меня в нечистоплотности, и я надеюсь на снисхождение беспристрастного читателя, особенно если он зрело и непредубежденно обсудит бедственное положение, в котором я находился. Впоследствии я отправлял означенную потребность рано утром на открытом воздухе, отойдя от храма, насколько позволяли цепочки, причем были приняты должные меры, чтобы двое назначенных для этой цели слуг увозили в тачках зловонное вещество до прихода ко мне гостей. Я бы не останавливался так долго на предмете, с первого взгляда как будто неважном, если бы не считал необходимым публично оправдаться по части чистоплотности, которую, как мне известно, некоторым моим недоброжелателям угодно было, ссылаясь на этот и другие случаи, подвергать сомнению.

Покончив с этим делом, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище – как если бы гора двинулась перед ней – взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подспели слуги, которые, схватив коня под уздцы, помогли его величеству сойти. Сойдя с лошади, он с большим удивлением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, за пределами длины приковывавших меня цепочек. Он приказал своим поварам и дворецким, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатили ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином. Императрица, молодые принцы и принцессы крови вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошадью императора все они встали и подошли к его особе, которую я хочу теперь описать. Ростом он почти на мой ноготь выше всех своих придворных¹⁷; одного

¹⁷ «...на мой ноготь выше всех своих придворных...» – Под Лилипутией Свифт подразумевал Англию, а лилипутский император, по его замыслу, должен был некоторыми чертами походить на Георга I. Но английский король был мал ростом, неуклюж, и манеры его были лишены достоинства. Возможно, что внешнее их различие было подчеркнуто Свифтом из соображений осторожности, но не исключено, что, создавая свою сатиру, он не стремился к портретному сходству.

этого совершенно достаточно, чтобы внушать почтительный страх. Черты лица его резкие и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, туловище, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная¹⁸. Он уже не первой молодости – ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так чтобы мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться в его описании. Одежда императора была очень скромная и простая, фасон – нечто среднее между азиатским и европейским, но на голове надет был легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на верхушке. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиною около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчетливо его слышать. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Здесь же находились священники и юристы (как я заключил по их костюму), которым было приказано вступить со мною в разговор; я, в свою очередь, заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя бы немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски и на лингва франка¹⁹, но все это не привело ни к чему. Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом – для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая настойчиво стремилась протиснуться поближе ко мне, насколько у ней хватало смелости; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел в то время, как я сидел на земле у дверей моего дома; одна из них едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал схватить шестерых зачинщиков и решил, что самым лучшим наказанием для них будет связать и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я сгреб их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро я успокоил их: ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он миглом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, вынимая их по одному из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, о котором в очень выгодном для меня свете было доложено при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Были привезены шестьсот матрасов обыкновенной величины, и в моем доме началась работа: сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и так образовался один матрас, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраса положили один на другой, но твердый пол из гладкого камня, на котором я спал, стал от этого не намного мягче. По такому же расчету были изготовлены простыни, одеяла и покрывала, достаточно сносные для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть о моем прибытии разнеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться, чтобы посмотреть на меня, толпы богатых, досужих и любопытных людей. Деревни почти опу-

¹⁸ «...губы австрийские...» – У членов австрийской династии Габсбургов была выпяченная нижняя губа.

¹⁹ *Лингва франка* – наречие портов Средиземноморья, состоящее из смеси итальянских, испанских, греческих, арабских и других слов.

стели, отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Он повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе чем на пятьдесят ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло министрам большой доход.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой – возникло опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иногда останавливались на мысли уморить меня или, по крайней мере, засыпать мое лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но потом принимали в расчет, что разложение такого громадного трупa может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью упомянутыми озорниками. Это произвело такое благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девяти сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другой провизии для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и за счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет главным образом на доходы от своих личных имений и весьма редко, в самых исключительных случаях, обращается за субсидией к подданным²⁰, которые зато обязаны по его требованию являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шесть сот человек, для которого были отпущены харчевые деньги и построены по обеим сторонам моей двери удобные палатки. Равным образом отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона; чтобы шестеро величайших ученых его величества занялись обучением меня местному языку и, наконец, чтобы возможно чаще производились в моем присутствии упражнения на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказы были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто устаивал меня своим посещением и мило- стиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть даровано без согласия государственного совета и что прежде я должен «люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и скромностью заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не обижаться, если он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня²¹, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соот-

²⁰ «...весьма редко... обращается за субсидией...» – Намек Свифта на субсидии, испрашиваемые английскими королями у парламента как на государственные нужды, так и на личные расходы.

²¹ «...обыскать меня...» – Описание обыска и конфискации у Гулливера совершенно безобидного содержимого его карманов – это насмешка Свифта над рвением английских государственных агентов, занимавшихся поисками оружия у лиц, подозреваемых в симпатиях к якобитам, то есть сторонникам реставрации Стюартов, свергнутых в 1688 г. и изгнанных из Англии. Один из таких агентов в Ирландии передал в дублинскую тюрьму отобранные у самого Свифта «опасные» предметы: кочергу, щипцы и совок.

ветствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками; что понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи; что, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; что вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачено, сколько я сам назначу. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух часовых и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном серебряные часы, а в другом кошелек с несколькими золотыми. Господа эти имели при себе бумагу, перо и чернила и составили подробную опись всему, что нашли²². Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить ее императору. Позднее я перевел эту опись на английский язык. Вот она слово в слово:

Во-первых, в правом кармане камзола великого Человека Горы (так я передаю слова Куинбус Флестрин), после тщательнейшего осмотра, мы нашли только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца Вашего Величества. В левом кармане мы увидели громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. Когда, по нашему требованию, сундук был открыт и один из нас вошел туда, то он по колени погрузился в какую-то пыль, часть которой, поднявшись до наших лиц, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть. В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых субстанций, сложенных одна на другую; кipa эта, толщиной в три человека, перевязана прочными канатами и испещрена черными знаками, которые, по скромному нашему предположению, суть не что иное, как письма, каждая буква которых равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих частокол перед двором Вашего Величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек Гора расчесывает свои волосы, но это только предположение: мы не всегда тревожим его расспросами, потому что нам было очень трудно объясняться с ним. В большом кармане с правой стороны среднего чехла (как я перевожу слово «ранфуло», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб, длиною в рост человека, прикрепленный к крепкому куску дерева, более крупному по размерам, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа, весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена нами и в левом кармане. В меньшем кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла, различной величины; некоторые белые диски, по-видимому серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. В левом кармане мы нашли две черные колонны неправильной формы; стоя на дне кармана,

²² «...подробную опись всему...» – Свифт высмеивает деятельность Тайного комитета, учрежденного премьер-министром вигского правительства Робертом Уолполом, сменившим на этом посту друга Свифта – Болинброка. Шпионы этого комитета вели слежку во Франции и Англии за деятельностью якобитов и связанного с ними Болинброка, в 1711 г. вступившего в тайные переговоры с французским правительством. В результате этих переговоров был заключен Утрехтский мир (1713), которым закончилась война за испанское наследство.

мы только с большим трудом могли достать их верхушку. Одна из колонн заключена в крышке и состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина; полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляра, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим режут мясо. Кроме того, на Человеке Горе мы нашли еще два кармана, куда не могли войти. Эти карманы он называет часовыми; они представляют две широких щели, прорезанных в верхней части его среднего чехла, а потому сильно сжатых давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь с дикиной машиной, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть все, что было прикреплено к этой цепи; вынутый предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это прозрачное вещество. Человек Гора приблизил эту машину к нашим ушам; тогда мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся к последнему мнению, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека Горы, который очень плохо говорит на нашем языке), он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого часового кармана Человек Гора вынул сеть почти такой же величины, как рыболовная, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька, чем она и служит ему; в сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла, и если это настоящее золото, то оно должно представлять огромную ценность.

Таким образом, во исполнение повеления Вашего Величества, тщательно осмотрев все карманы Человека Горы, мы перешли к дальнейшему обследованию и открыли на нем пояс, сделанный из кожи какого-то громадного животного; на этом поясе с левой стороны висит сабля, длиною в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой – сумка или мешок, разделенный на два отделения, из коих в каждом можно поместить трех подданных Вашего Величества. Мы нашли в одном отделении сумки множество шаров из крайне тяжелого металла; каждый шар, будучи величиной почти с нашу голову, требует большой силы, чтобы поднять его; в другом отделении лежала кучка каких-то черных зерен не очень большого объема и веса: мы могли поместить на ладони до пятидесяти таких зерен.

Такова точная опись найденного нами при обыске Человека Горы, который держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний Вашего Величества. Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования Вашего Величества.

Клефрин Фрелок,

Марси Фрелок

Когда эта опись была прочитана императору, его величество потребовал, хотя и в самой деликатной форме, чтобы я отдал некоторые перечисленные в ней предметы. Прежде всего он предложил вручить ему саблю, которую я снял вместе с ножнами и со всем, что было при ней.

Тем временем император приказал трем тысячам отборных войск (которые в этот день несли охрану его величества) окружить меня на известном расстоянии и держать на прицеле лука, чего я, впрочем, не заметил, так как глаза мои были устремлены на его величество. Император пожелал, чтобы я обнажил саблю, которая хотя местами и заржавела от морской воды, но все-таки ярко блестела. Я повиновался, и в тот же момент все солдаты испустили крик ужаса и удивления: отражавшиеся на стали лучи солнца ослепляли их, когда я размахивал саблей из стороны в сторону. Его величество, храбрейший из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить оружие в ножны и возможно осторожнее бросить его на землю футов на шесть от конца моей цепи. Затем он потребовал показать один из полых железных столбов, под которыми он разумел мои карманные пистолеты. Я вынул пистолет и, по просьбе императора, растолковал, как мог, его употребление; затем, зарядив его только порохом, который благодаря герметически закрытой пороховнице оказался совершенно сухим (все предусмотрительные моряки принимают на этот счет особые меры предосторожности), я предупредил императора, чтобы он не испугался, и выстрелил в воздух. На этот раз удивление было гораздо сильнее, чем при виде моей сабли. Сотни человек попадали, как бы пораженные насмерть, и даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я отдал оба пистолета тем же способом, что и саблю, и так же поступил с пулями и порохом, но просил его величество держать последний подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец. Равным образом я отдал часы, которые император осмотрел с большим любопытством и приказал двум самым дюжим гвардейцам унести их, надев на шест и положив шест на плечи, вроде того как носильщики в Англии таскают бочонки с элем. Всего более поразили императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки, которое ему было хорошо видно, потому что лилипуты обладают более острым зрением, чем мы. Он предложил ученым высказать свое мнение относительно этой машины, но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я хорошенько не понял, были весьма далеки от истины; затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Сабля, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества, остальные вещи возвращены мне.

Я уже сказал выше, что у меня был секретный карман, которого не обнаружили мои сыщики; в нем лежали очки (благодаря слабому зрению я иногда пользуюсь ими), карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Так как эти вещи не представляли никакого интереса для императора, то я не считал долгом чести заявлять о них, тем более что боялся, как бы они не были потеряны или попорчены, если бы попали в чужие руки.

Глава 3

Автор весьма оригинально развлекает императора, придворных дам и кавалеров. Описание развлечений при дворе в Лилипутии. Автору на определенных условиях даруется свобода

Моя кротость и доброе поведение до такой степени примирили со мной императора, двор, армию и вообще весь народ, что я начал питать надежду на скорое получение свободы. Я всячески старался укрепить это благоприятное расположение. Население постепенно привыкло ко мне и стало меньше меня бояться. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестерым лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить на их языке. Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическими представлениями, в которых лилипуты своею ловкостью и великолепием превосходят другие известные мне народы. Но ничто меня так не позабавило, как упражнения канатных плясунов, совершаемые на тонких белых нитках длиною в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. На этом предмете я хочу остановиться несколько подробнее и попрошу у читателя немного терпения.

Эти упражнения производятся только лицами, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они смолodu тренированы в этом искусстве и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на высокую должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто), пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате; и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность. Весьма часто даже первые министры получают приказ показать свою ловкость и засвидетельствовать перед императором, что они не утратили своих способностей. Флимнап, канцлер казначейства, пользуется известностью человека, совершившего прыжок на тугο натянутом канате, по крайней мере, на дюйм выше, чем какой удавался когда-нибудь другому сановнику во всей империи. Мне пришлось видеть, как он кувыркался несколько раз сряду на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более обыкновенной английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета, по моему мнению, – если только моя дружба к нему не ослепляет меня, – может занять в этом отношении второе место после канцлера казначейства. Остальные сановники стоят почти на одном уровне в означенном искусстве²³.

Эти развлечения часто сопровождаются несчастьями, память о которых сохраняет история. Я сам видел, как два или три соискателя причинили себе увечья. Но опасность увеличивается еще более, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Ибо, стремясь превзойти самих себя и своих соперников, они проявляют такое усердие, что редко кто из них не срывается и не падает, иногда даже раза по два и по три. Меня уверяли, что за

²³ «...упражнения канатных плясунов...» – Здесь: сатирическое изображение ловких и бесстыдных политических махинаций и интриг, с помощью которых карьеристы добивались королевских милостей и государственных должностей. Флимнап. – Этот образ – сатира на Роберта Уолпола, к которому Свифт относился крайне враждебно и неоднократно его высмеивал. Беспринципность и карьеризм Уолпола, изображенные здесь Свифтом как «прыжки на канате», разоблачали и друг Свифта, поэт и драматург Джон Гэй (1685–1752) в своей «Опере нищих» (1728), и Генри Фильдинг (1707–1754) в своей политической комедии «Исторический календарь на 1756 год» (1757). Рельдресель. – По-видимому, под этим именем изображен граф Стенхоп, ненадолго сменивший в 1717 г. Роберта Уолпола. Премьер-министр Стенхоп более терпимо относился к якобитам и к тори; среди последних было немало друзей Свифта.

год или за два до моего прибытия Флимнап непременно сломал бы себе шею, если бы одна из королевских подушек, случайно лежавшая на полу, не смягчила удара от его падения²⁴.

Кроме того, в особых случаях здесь устраивается еще одно развлечение, которое дается в присутствии только императора, императрицы и первого министра. Император кладет на стол три тонких шелковых нити – синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду лицам, которых император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности²⁵. Церемония происходит в большом тронном зале его величества, где соискатели подвергаются испытанию в ловкости, весьма отличному от предыдущего и не имеющему ни малейшего сходства с теми, что мне доводилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а соискатели, подходя друг за другом, то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз, смотря по тому, поднята палка или опущена; иногда один конец палки держит император, а другой – его первый министр, иногда же палку держит только последний. Кто проделает все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганье и ползание, тот награждается синей нитью; красная дается второму по ловкости, а зеленая – третьему. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить особу, у которой бы не было такого пояса.

Каждый день мимо меня проводили лошадей из полковых и королевских конюшен, так что они скоро перестали пугаться меня и подходили к самым моим ногам, не кидаясь в сторону. Всадники заставляли лошадей перескакивать через мою положенную на землю руку, а раз императорский ловчий на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак; это был поистине удивительный прыжок.

Однажды я имел счастье позабавить императора самым необыкновенным образом. Я попросил достать несколько палок длиною в два фута и толщиной в обыкновенную трость; его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на семи телегах, из которых каждая была запряжена восемью лошадьми. Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиною в два с половиной фута; на высоте около двух футов я привязал к четырем углам этого квадрата другие четыре палки параллельно земле; затем на девяти кольях я натянул носовой платок туго, как барабан; четыре горизонтальные палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовали с каждой стороны нечто вроде перил. Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение, и, когда кавалеристы прибыли, я поднял их поочередно на лошадях и в полном вооружении вместе с офицерами, которые ими командовали. Построившись, они разделились на два отряда и начали маневры: пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями, то обращаясь в бегство, то преследуя, то ведя атаку, то отступая, – словом, показывая лучшую военную выучку, какую мне когда-либо доводилось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям упасть с площадки. Император пришел в такой восторг, что заставил меня повторить это развлечение несколько дней сряду и однажды соизволил сам подняться на площадку и лично командовать маневрами²⁶. Хотя и

²⁴ «...Флимнап непременно сломал бы себе шею...» – После смерти Стенхопа благодаря интригам герцогини Кендельской, одной из фавориток Георга I, Роберта Уолпола в 1721 г. вновь назначили премьер-министром. Герцогиня Кендельская здесь и названа иносказательно «королевской подушкой».

²⁵ *Синяя, красная и зеленая* – цвета английских орденов Подвязки, Бани и Св. Андрея. Старинный орден Бани, основанный в 1559 г. и прекративший существование в 1669 г., был восстановлен Уолполом в 1725 г. специально для того, чтобы награждать им своих приспешников. Сам Уолпол в том же году был награжден этим орденом и орденом Подвязки – в 1726 г., то есть в год выхода первого издания «Гулливера». В первом издании книги из осторожности вместо подлинных цветов орденов были названы другие: пурпурный, желтый и белый. Во втором издании Свифт заменил их настоящими цветами английских орденов.

²⁶ «Император пришел в такой восторг...» – Намек на пристрастие Георга I к военным парадом.

с большим трудом, ему удалось убедить императрицу разрешить мне подержать ее в закрытом кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно; раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в моем носовом платке и, споткнувшись, упала и опрокинула своего седока, но я немедленно выручил обоих и, прикрыв одной рукой дыру, спустил другой рукой всю кавалерию на землю тем же способом, каким поднял ее. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности в подобных опасных упражнениях.

За два или за три дня до моего освобождения, как раз в то время, когда я развлекал двор своими выдумками, к его величеству прибыл гонец с донесением, что несколько подданных, проезжая возле того места, где я был найден, увидели на земле какое-то громадное черное тело, весьма странной формы, с широкими плоскими краями кругом, занимающими пространство, равное спальне его величества, и с приподнятой над землей на высоту человеческого роста серединой; что это не какое-нибудь живое существо, как они первоначально опасались, ибо оно лежало на траве неподвижно, и некоторые из них несколько раз обошли его кругом; что, становясь на плечи друг другу, они взобрались на вершину загадочного тела, которая оказалась плоской поверхностью, а само тело внутри полым, в чем они убедились, топая по нему ногами; что они смиренно высказывают предположение, не есть ли это какая-нибудь принадлежность Человека Горы; и если будет угодно его величеству, то они берутся доставить его всего только на пяти лошадях. Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как по дороге к месту моего ночлега у меня слетела шляпа, которую я привязал к подбородку шнурком, когда греб в лодке, и плотно надвинул на уши, когда плыл по морю. Вероятно, я не обратил внимания, как разорвался шнурок, и решил, что шляпа потерялась в море. Описав свойства и назначение этого предмета, я умолял его величество отдать распоряжение, чтобы он как можно скорее был мне доставлен. На другой день шляпа была привезена мне, но в не блестящем состоянии. Возчики пробили в полях две дыры на расстоянии полутора дюймов от края, зацепили за них крючками, крючки привязали длинной веревкой к упряжи и волокли таким образом мой головной убор добрых полмили. Но благодаря тому, что почва в этой стране необыкновенно ровная и гладкая, шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя два или три дня после описанного происшествия император отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, быть готовой к выступлению. Его величеству пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире²⁷

²⁷ «...в позу Колосса Родосского...» – Колосс – гигантская бронзовая статуя бога солнца Гелиоса, воздвигнутая в гавани острова Родос в 280 г. до н. э. Ноги статуи упирались в берега по обе стороны гавани. Статуя была разрушена землетрясением 56 лет спустя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.